

Театральные записки

б р и к о л а ж

Театральные записки (бриколаж)

«Алетейя»

УДК 792.03
ББК 85.334.3(2)6

Театральные записки (бриколаж) / «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-109-3

Зинаида Максимовна Шарко (1929–2016) – «целая эпоха» в истории театра БДТ им. Г. А. Товстоногова. В 1959 году З. М. Шарко сыграла роль Тамары в спектакле «Пять вечеров» по пьесе А. Володина (реж. Г. А. Товстоногов). Это стало театральным событием на долгие годы и в Москве, и в Ленинграде. Такими событиями были и роли, сыгранные З. М. Шарко в спектаклях «Божественная комедия», «Не склонившие головы», «Три сестры», «Кошки-мышки», «С вечера до полудня», «Сколько лет, сколько зим» и др. В роли Эржебет Орбан в спектакле «Кошки-мышки» ее сравнивали с Чарли Чаплиным. Международным успехом актрисы стала главная роль в фильме Киры Муратовой «Долгие проводы». Зинаида Шарко была одной из любимых актрис Г. А. Товстоногова. В 2001 году З. Шарко получила премию «Ника» за лучшую женскую роль в фильме «Луной был полон сад» (реж. Виталий Мельников), в 2013-м – национальную премию «Золотая маска» «За выдающийся вклад в развитие театрального искусства». В 84 года актриса сыграла главную роль в фильме «За кефиром» (реж. Станислав Федосов), а в год своего 85-летнего юбилея (2014) написала книгу о своей жизни (Шарко З. Мои анкетные данные. СПб.: Балтийские сезоны, 2014). В книге представлена переписка З. М. Шарко с ее друзьями из Москвы: Е. Логиновой, Н. Кожановой, А. Слезовой, а также их театральные дневники 1970-х гг. Тематически и письма, и дневники посвящены жизни БДТ им. М. Горького, культурной и театральной жизни Ленинграда и Москвы. Все тексты снабжены краткими комментариями. Книга адресована историкам театра и широкому кругу читателей.

УДК 792.03
ББК 85.334.3(2)6

ISBN 978-5-00165-109-3

© Алтейя

Содержание

Вступление	7
Как всё начиналось	8
Часть I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Театральные записки (бриколаж)
Составление, подготовка текста,
предисловие, комментарии
Е. М. Калло, А. Г. Лилеева

Шарко Зинаиде Максимовне
ПОСВЯЩАЕТСЯ

© Е. М. Калло, А. Г. Лилеева, составление, подготовка текста, предисловие, комментарии, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Вступление

Литературный жанр «театральные записки» был создан С. П. Жихаревым (1787–1860). В журнале «Отечественные записки» за 1854 год были опубликованы его «Воспоминания старого театрала», а писал он эти записки, когда ему было 18–20 лет (1805–1809)! Историки русской культуры неизменно цитируют «Записки» Жихарева, рассказывая об эпохе начала XIX века. Это были не просто «Дневник студента» и «Записки театрала», это была хроника и летопись жизни молодого человека начала XIX века – срез целой эпохи.

В начале XX века Г. И. Чулков пишет и публикует свои «Театральные заметки» в издательстве «Шиповник» (СПБ, 1908), а в 1903 году появляются «Театральные заметки» А. Р. Кугеля («Театр и искусство», 1903, № 45). И каждый раз – неизменный успех у читателей, прежде всего потому, что это были рассказы не только о театре, но о времени и о том, «что с нами происходит».

Жанр состоялся, традиция сформировалась.

Мы подключаемся к этой традиции и предлагаем читателю наши «Театральные записки».

Жанр театральных записок – свободный, он как верлибр в поэзии, как бриколаж в искусстве, он создаёт предмет из всех материалов, имеющихся под рукой. Это не статьи о театре, не рецензии на спектакли, это попытка осмыслить жизнь и время через жизнь театра. И эта свобода жанра даёт нам право и возможность опубликовать письма, дневники, отрывки из дневников и отрывки писем, наши стихи и наши воспоминания, размышления о времени и о жизни, о смерти, о любви, о природе творчества, о забвении и вечности.

Этот жанр позволяет нам рассказать о необыкновенных людях, которые не просто принадлежали времени и этим благословенным годам, когда театр был больше, чем театр. Они формировали само время!

Мы их знали, с ними дружили, переписывались и были юношески влюблены в них.

Эту книгу мы посвящаем Зинаиде Максимовне Шарко (1929–2016) – актрисе блистательного Большого драматического театра Георгия Александровича Товстоногова.

Эта книга о нашей юности.

Эта книга о времени-безвременье конца XX века!

Итак, перед вами «Театральные записки»...

Как всё начиналось

В начале семидесятых годов XX века нам было по двадцать лет, мы учились на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, дружили, ночи напролёт могли говорить об искусстве, о театре, о поэзии, о жизни, о Боге и о славе. Мы мечтали о создании своего театра и восхищались спектаклями Г. А. Товстоногова.

Впервые мы увидели спектакли БДТ ещё школьниками, году в 1970-м. Театр тогда приезжал на гастроли в Москву, и наши школьные учителя, которые уже были влюблены в этот театр, взяли нас с собой на спектакль «Генрих IV».

Позднее, уже студентками МГУ, мы каждые зимние каникулы проводили в Ленинграде, про себя называя его Питером. Главным притяжением, конечно, были БДТ и Эрмитаж. Утром мы бродили по эрмитажным залам, точнее, по залу; одно утро – один зал. А вечером по застывшему льду Фонтанки или по улице Росси, мимо площади со смешным названием «Ватрушка», бежали в БДТ. Ловили билеты, и всегда «улов» был удачный.

Однажды зимой, не попав на первое действие спектакля, в антракте мы оставили свои куртки и дублёнки в совсем незнакомой квартире в доме рядом с театром и помчались смотреть второе действие, сделав перед контролёрами вид, что просто вышли ненадолго на мороз покурить. Хозяева квартиры то ли тоже были любителями театра, то ли так оторопели от неожиданности просьбы, что разрешили нам оставить наши зимние куртки и после спектакля безропотно их отдали. В другой раз, это было уже на гастролях театра в Москве, мы влезли в театр через окно по пожарной лестнице, а потом смотрели весь спектакль, стоя на колосниках. Компания собралась человек 15. Незнакомые мальчишки и девчонки, мы толкались, кашляли, смеялись, и охрана во втором действии нас с позором вывела из театра. Мы спускались по лестнице в платицах короче всех возможностей тогдашней моды, а вслед нам оторопевшая Дина Морисовна Шварц, завлит БДТ, ахнула: «И девочки тоже! В юбках! По пожарной лестнице!»

Зинаиду Максимовну Шарко впервые мы увидели по телевизору в спектакле «Сколько лет, сколько зим», а ещё в театральном капустнике, который передавали из ВТО. Запомнился резкий необычный голос, искренность игры и поклонение партнёров. Зимой 1974 года, после спектакля «С вечера до полудня», где Шарко играла женщину «сложной судьбы», над героиней которой мы плакали, стоя на галёрке, мы случайно столкнулись с ней нос к носу у театральных касс в фойе театра: стильная, яркая блондинка, в чёрной шубке, в туфельках на каблуках, нетерпеливо бьёт перчаткой по ладони в ожидании поклонника. Он, конечно, мгновенно появляется – красавец, морячок, офицер... И, обнявшись, они уходят, растворяясь в темноте вечера. О, как романтично!

Мы не видели З. М. Шарко в её «звёздных» ролях в программных спектаклях Г. А. Товстоногова 1960-х годов: Тамара («Пять вечеров» А. Володина), Ольга («Три сестры» А. П. Чехова), в пьесе Н. Дугласа и Г. Смита «Не склонившие головы», в пьесе Константина Симонова «Четвёртый». Мы не видели «Божественной комедии» И. Штока и «Карьеры Артуро Уи» Бертольта Брехта. Мы не видели её Фульвию в «Римской комедии» Леонида Зорина. Мы были слишком малы и жили в другом городе. Мы не были «поклонницами» Зинаиды Максимовны. В те годы мы любили Питер и БДТ.

Но, познакомившись, мы сразу поняли масштаб личности и глубину творческого дарования З. М. Шарко.

Однажды мы случайно оказались на концерте, где Зинаида Шарко читала стихи Ольги Берггольц и Марины Цветаевой. Мы были потрясены. Захотелось познакомиться. Но как? Пригласить и устроить концерт в клубе университета!? Мы знали, что концерт устроить почти невозможно из-за долгих согласований с ректоратом и парткомом, и, скорее всего, нам не разрешат провести в главном университете страны вечер поэзии Марины Цветаевой. Но ведь это

хороший повод просто познакомиться с Зинаидой Максимовной. Решили – сделали. Позвонили, пригласили! З. М. Шарко неожиданно согласилась. И при первой встрече попросила называть её не Зинаида Максимовна, а ЗЭМэ – так её называли все близкие люди. С этого момента мы стали близкими людьми.

Это были трудные годы в жизни Зинаиды Максимовны: болезненное расставание с любимым, с которым прожили вместе семь лет и разделяли не только личное, но и творческое пространство судьбы; сложные отношения с сыном от первого брака, который именно в эти годы переживал свой переходный возраст; потеря ролей в театре; запрет фильма Киры Муратовой «Долгие проводы», где Шарко блестяще сыграла главную роль. Чувства были болезненно обострены. Да к тому же актриса переходила в новый актёрский возраст – сорокалетние героини, мамочки, старухи.

Анна Слёзова, Елена Логинова, Наталья Кожанова, конец 1970-х – начало 1980-х годов.

Наши искренние юношеские восторги, поклонение и сострадание были необходимы ей в то время: видимо, мы помогли ей выжить. Мы ещё ничего не испытали, но уже многое знали. Мы были влюблены в жизнь, в театр и в Питер. Мы верили в любовь. Всё было для нас духовным сбывшимся чудом, мы предошущали своё будущее, это давало нам лёгкость полёта над будничной суетой. Мы всё могли понять, простить, готовы были сострадать. И всё вокруг просилось на бумагу. Мы вели дневники и писали вдохновенные письма друг другу и ЗЭМэ.

Может быть, этот юношеский лепет любви, странички дневников и писем смогут вырвать наших любимых из молчаливого забвения смерти...

Часть I Письма

В те годы З. М. Шарко писала письма-дневники, письма-фантазии, адресованные нам, писала и часто не отправляла их. Мы долго не верили в существование этих писем. Но однажды Зэмэ разрешила нам их прочитать и забрать с собой в Москву. Мы возвращались в Москву в плацкартном вагоне, бесценный груз везли в пакете, для сохранности положив его под голову.

Письма публикуются с сохранением авторской пунктуации и орфографии. Пунктуация – отражает интонацию, а нарочитые орфографические ошибки – это ведь тоже стиль автора: умение играть и наслаждаться звучанием слова.

Зэмэ: «Вот ты говоришь, писать. А я всё время пишу – это мои фантазии».

А.С.: «Так вы их записывайте, чтобы все об этом знали».

Зэмэ: «А я пишу, это письма мои неотправленные. Ты их читала?»

(из дневника Анны Слёзовой)

Здрассьте!

Лучше бы приехали и разобрали этот ворох написанных вам писем и из Челябинска, и из Ялты, и из Ленинграда, написанных, недописанных, – ворох впечатлений, написанных вам.

События, съёмки, встречи, полёты, перегрузки настолько навалились на меня, что я только перед коротким сном что-то пишу, – и на каком-то важном литературном обороте, – а мне очень важно, когда я пишу вам, чтобы были там литературные обороты, – я устаю, просто не могу вывернуться из деепричастных и сложносочинённых, а у меня они всегда особо сложносочинённые. Короче говоря...

Дорогая Зэмэ!

Несмотря на длинный *и*, как нам казалось, нескончаемый путь, мы уже в Москве, и даже дома, и уже прошли сутки, как мы с Вами расстались и остались наедине с Вашими письмами и своими мыслями.

Зэмэ, письма Ваши – удивительны, в них схвачено ощущение мгновения, настроение, то, что так трудно передать на бумаге. В них хорошо всё: и их фрагментарность, и дневниковая незаконченность, и естественность, и простота слога. А главное, в этих письмах есть Вы, Ваша сила и вера в себя и в искусство.

Для нас Ваши письма – это редкие мгновения общения с Вами. Зэмэшенька, не разбрасывайте Ваши письма и давайте нам их иногда читать.

18.02.1975 г.

Мяу! Мяу! И ещё раз, Мяу! Вы будете смеяться, но я уже соскучилась без вас, девчухи мои.

Сегодня после репетиции ехала домой на такси, – поскольку получила зарплату, – смотрела на свой город в удивительном освещении, – солнца, вроде бы и нет, а отсветы его делают Неву розовой, каким-то странным розовым цветом сверкают шпиль, и стены Петропавловской крепости. Дома голубые, розовые, песочно-светящиеся.

Смотрела и жалела, что вижу всё это одна, без вас.

Уж если я, старожилка, была потрясена, – что было бы с вами!?

Купила у какой-то старухи ветки берёзы с почками, – много, много, – и теперь на берёзовом пне сверху в глиняном горшке свисают вниз эти почки. Очень красиво!

Купила на базаре ещё овса и душистого горошка, – завтра посажу. Будем ждать новых ботанических радостей.

Начали репетировать новую пьесу, – интересно. Директору театра позвонили из обкома – вызывают меня и Басю¹ 15-го числа на Ленфильм, ещё раз будет просмотр «Дня приёма...»², – хотят, наверное, услышать голоса виновников «торжества». Даже репетиции ради этого мероприятия заканчивают на час раньше. Поедем! Фраки наденем!

И выскажем!

Это явное продолжение известной вам компании. Ваша замечательная ручка не пишет на этом глянце. Целую вас, мои девчухи, держите за меня и за Басю 15-го в 15 часов кулаки, фиги, скрещенные пальцы. Что угодно! Потом напишу, ваша беспартийная большевичка.

Троекратное дружное – Мяу! Восторженное и счастливое!

Мы рады и нам опять хорошо: мы получили Ваше письмо. Оно было такое Ленинградское! Мы читаем его с начала до конца и с конца до начала, с середины до конца и с конца до середины, слева направо и справа налево, смотрим на свет и опять читаем, ещё немножко, и мы будем держать ваше письмо над свечой – авось какие-нибудь новые буквы появятся.

А 15-го именно в 15 часов мы, конечно, держали фиги за Вас с Басей. Хотя письмо было отправлено восемнадцатого, сработала интуиция (мы почувствовали, что сегодня держать фиги – совсем не лишнее). И теперь мы очень «хочем» знать, чем же закончился Ваш визит в столь «достопочтимое» собрание и помогли ли вам «фраки и фиги в карманах»?

В Москве сейчас много и шумно говорят о Ваших «Мешках»³...

Вы знаете, Зэмэ, каждый раз, когда мы возвращаемся из Ленинграда, нам невыносимо тяжело втягиваться в нашу обыденную университетскую жизнь – мы перерастаем нашу Alma Mater. Происходит переоценка ценностей. Всё, что мы делали до Питера, нам кажется таким детским и никчёмным! Появляется иная мера, иные ценности.

Ленинград рождает чувство ответственности, и нам стыдно – стыдно писать никому не нужные курсовые работы, заниматься жанрами, хронотопами и журналистикой XIX века перед вашим «кровью деланным» Искусством, большим настоящим Искусством... Тут не может быть полумер, тут говорят «во весь голос», на пределе и иначе не могут.

Как заставить себя заниматься «изящной словесностью», когда понятно главное, что за всё надо не только платить (истина с бородой), но и бороться, бороться не за жизнь, а жизнью, до конца... кровью, без компромиссов...

Зэмэ, ваше письмо, такое светлое, с берёзовыми почками, с вашей борьбой за то, что Вы делаете, для нас радость и опора!

Зэмэша, давно, давно мы Вам писали, что Вы – большая Актриса. И в этом ваше счастье, и ваша трагедия.

Скоро весна, пронзительная, с ветром и таяньем снега, потом лето. Летом Аня и Наташа уедут на целый год за Океан⁴, Лена одна останется в Москве...

Но пока мы вместе.

Зэмэшенька, вот Вы пишете, что мы будем смеяться, – какое там! Мы кланяемся Вам и вашему Великому городу вместе с нашей сумасшедшей Москвой.

Спасибо Вам за силу и за смелость.

¹ Бася – Басилашвили Олег Валерьянович (род. 1934 г.), актёр театра и кино, в труппе БДТ с 1959 г.

² Художественный фильм «День приёма по личным вопросам», реж. С. А. Шустер, 1974 г.

³ Спектакль по повести В. Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы»; постановка Г. А. Товстоногова; премьера состоялась 27 декабря 1974 года.

⁴ По распределению после окончания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Наташа Кожанова и Аня Слёзова должны были работать на Кубе преподавателями русского языка. Эта поездка не состоялась, но думали и писали мы об этом много.

Зэмэша, а вот Вы смеяться будете точно: сказать Вам честно, что мы хотели выразить в этом лирико-эпическом письме? – Мы просто хотели поздравить Вас с весной, с 8-м Марта, с грядущим. И пожелать Вам быть такой, какой Вы хотите быть.

Мы принимаем Вас любой!

25.05.1975 г.

Зэмэшенька, если бы Вы были сейчас в Москве, мы поздравили бы Вас с первым весенним дождём, бурным и радостным; мы бы бродили с Вами в тополином снегу по московским бульварам с удивительными названиями, а на Цветном бульваре мы подарили бы Вам все цветы, что преподнесли мне и Наташе на защите. Да-да, мы защитили дипломы и спешим похвастаться.

Сейчас на душе радостно и немножко пусто, как бывает, когда уходит человек. или сделано дело, долгое время занимавшее всё внимание и отбирающее все силы.

Пять лет в университете прошли невыносимо быстро и скоро превратятся в воспоминание. Впереди у нас далеко не метафорический океан, дальние берега, неизвестность и прощанье с близкими.

Мы уезжаем на Кубу где-то в конце августа или в начале сентября (если не случится ничего неожиданного). А перед отъездом нам очень хотелось бы увидеть Вас. И не только для того, чтобы просто попрощаться. Хотя и для этого тоже: мало ли что может случиться за год в океане – тут можно ненароком оказаться в брюхе акулы или в пасти крокодила...

Лена даже сочинила об этом весёлую песенку, и всё время распевает её нам на дорожку:

*А на Кубе водятся гориллы
и большие, злые крокодилы.
Там акулы жуткие живут,
они Гошу с Кошей сожрут.*

(Гоша и Коша – это наши дружеские имена)

Лена остаётся в Москве одна (уезжают всё-таки двое), и ей, конечно, тяжелее всех. Наверное, поэтому и сбивается весёлая мелодия на грустные ноты.

Но страх перед гориллами и крокодилами и боязнь Вас больше никогда не увидеть – это всё, конечно, прощальные шутки. А главное, ЗэмЭ, – это то, что общение с Вами для нас – это всегда проверка нашей собственной искренности и правдивости, это нравственный заряд для будущих дел и свершений; после общения с Вами стыдно жить не так, как Вы, не в полную силу, накапливая и не отдавая.

Но на расстоянии ниточка нашего диалога становится еле заметной и превращается в наш нескончаемый монолог. И порой нам даже страшно представить, насколько невпопад, незачем и ни к чему оказываются для Вас наши письма. Вы не пишете, и мы даже не знаем, здоровы ли Вы сейчас, как дела в театре, здоров ли Ваня⁵ и как он служит.

ЗэмЭ, напишите нам, пожалуйста, где Вы будете летом, будут ли у Вас гастролы, съёмки, когда и где? Будете ли Вы в Москве?

В июне и в августе мы и Москва к Вашим услугам. А в июле мы собираемся на Север в экспедицию, а в первых числах августа – в Прибалтику.

Может быть, где-нибудь наши с Вами пути и пересекутся.

⁵ Ваня – Иван Игоревич Шарко – сын З. М. Шарко и И. П. Владимировна.

Зэмэшенька, совсем неожиданно нам удалось достать пластинку Meister Singer. В этой музыке есть что-то неуловимое от Вашей Эржи.⁶ И мы будем рады, если эта пластинка доставит Вам хоть немного радости.

P.S. Помните, что Таруса ждёт Вас.

17.06.1975 г.

Здравствуйте, родные мои девчухи!

Хоть две из вас и дипломированные, но все трое очень глупые.

«Невпопад, незачем, и ни к чему» ваши письма! Дурёхи, набитые разнообразными и всесторонними знаниями. Да знали бы вы, сколько радости и желания снова жить и работать так, чтобы хотя бы, оправдать всё то, что вы обо мне думаете, приносят мне ваши письма. <...>

У меня всё в порядке.

За Эржи получила премию «За лучшую роль года».

Ваня прислал ко дню рождения поздравительную телеграмму: «Поздравляю Лучшую артистку года. Народная не за горами».

Сын юморист, как же и не мама!

Театр уехал на гастроли. Не взяли только двух актрис – меня и Наташу Тенякову. Хохлам такие не нужны. Ну, у них же там, в Киеве, своё государство и свои потребности. «Кошки-мышки» им оказались не нужны, «Три мешка» – тем более, а «Мольер» – Какой Мольер? – Булгаковский? – нет, не надо. А что надо? – «Беспокойная старость». Ну, и глядите свою «Беспокойную старость». Мы недолго вместе огорчились, – Наташа поехала с дочкой на дачу, а меня выручил кинематограф. Снимаюсь в трёх фильмах, осенью начну четвёртый.

Очень интересно. Полна энергии, настроение прекрасное, что означает, рабочее. А что нашему брату актёру ещё нужно для полного счастья, – больше ничего.

Такой лист бумаги оказался единственным, дописываю на другом, боясь начать переписывать и вообще не отправить письмо, так что, извините.

(продолжение на листочке из школьной тетради в линейчку)

О фильме Авербаха «Чужие письма» я вам рассказывала. Сценарий жутковатый, – так всё на всё похоже. Все на каждом шагу своей жизни «читают чужие письма», лезут в душу, не дают жить рядом живущим, сохраняя при том полное сознание своей правоты, доброты и справедливости. Часть фильма уже снята, Авербах сказал мне, что фильм получается ещё страшнее, чем сценарий. Где-то в июле поедем в экспедицию в Калугу.

Приезжала в Ленинград Кира Муратова. Слава Богу, пробила свой сценарий по «Княжне Мэри», начала снимать, так что в августе я поеду к ней в Кисловодск на съёмки.

На балконе у меня красотища неописуемая. Кроме разных любимых вьющихся дураков, расцвели, представьте себе, помидоры. И, правда, четыре куста, скоро буду собирать собственный урожай.

Относительно вашего отъезда, – не грустите. Ведь это же здорово интересно! Будете писать мне и Лене письма. Уж туда я буду отвечать вам часто. А Лене – тоже, в связи с тем, что она остаётся здесь кустарём-одиночкой.

А сколько новых впечатлений вас ждёт! Я вам даже завидую. Вернётесь, соберёмся все вместе, вот тогда уж вы, действительно, не дадите мне сказать ни слова, а я вас буду тихо слушать, как маленькая.

Похоже на то, что у меня с 20 июня по 5 июля перерыв в съёмках. Думаю, поеду в Одессу, – немножко поплескаться в море, – а то, похоже, просижу всё лето в наших дождях.

⁶ Эржи – главная героиня в спектакле «Кошки-мышки», которую играла Зэмэ; премьера состоялась 10 марта 1974 г.

За игру, Карлсона и Мицкевича спасибо! Игру, правда, у меня конфисковал мой племянник Мишаня, который приезжал из Чебоксар с моим братом, ну не могла устоять перед молчаливыми, умоляющими глазами пацана.

Пластинка замечательная, часто слушаю её, вспоминая вас. Правда, похоже на Эржи.

Сегодня получила письмо из Чебоксар от своей старой учительницы, – сообщает, что «День приёма...» дублируют на чувашский язык. Вот смеху-то! Ещё пишет, что смотрела недавно «Золотого телёнка» на чувашском языке, где Юрский говорит: «Ку Рио-де-жанейро мар», что означает – «Это вам не Рио-де-Жанейро». И ещё говорит: «Дапла, дапла» – что означает – «Так, так.» Представляю, какие перлы буду выдавать по-чувашски я.

Ну, вот, мои дорогие, наконец, написала вам большое, весёлое письмо.

Теперь буду спокойно спать. Завтра в 9 утра съёмка, надо хорошо выглядендаться.

Целую вас, мои милые, и люблю, – вы это знаете.

Ваша Зэмэ.

сентябрь 1975 г.

Здравствуйте, мои девчухи

Сезон мы открыли очень смешно. Явились мы все утром десятого сентября, а перед театром стоит толпа людей, составляющих список на очередь за билетами на «Дачники». Ещё распределение ролей не вывесили! А они уже в очереди! И ведь ходят по ночам отмечаться! Гога⁷ нам сказал на открытии сезона, что мы заняли в каком-то соцсоревновании второе место. На что, естественно, мы все завопили: А кто же первое?! Оказалось – МХАТ, театр Вахтангова и Московский ТЮЗ.

Тогда наш Гога, в присутствии каких-то больших ответственных шишек сказал нам:

– Что касается второго места, я вспоминаю приезд в нашу страну великого американского музыканта Стерна. Ему задали вопрос: – Как вы относитесь к нашему скрипачу Ойстраху?

– О! – сказал американец, – Ойстрах – это вторая скрипка мира!

– А кто первая?

– Да первых-то много!

Конечно, были бурные аплодисменты.

Сейчас Он репетирует «Холстомера». Ребята, это гениальные репетиции! Я два раза заглянула в зал, и у меня родилось только возмущение, – почему его репетиции не снимают на киноплёнку?

Этого же никто никогда не увидит!

Он вдохновенен, как ребёнок, непосредственный, заводной, остроумный, сам играет, стоя в зале, всех лошадей подряд, – и так смешно и трогательно, – просто до слёз. Когда я смотрю на него на всех репетициях, – какое счастье мне выпало в жизни, – работать с таким гением в чистом виде.

Кто-то про него сказал: Он патологически гениален. И это правда, если патология – отклонение от нормы.

В июле мы будем на гастролях в Москве. Почему-то высокий начальник сказал нам – на отчётных гастролях.

Повезут даже «Три мешка». Тоже очень смешная история. Нас не включили в фестиваль, посвящённый Дню победы. Но всё-таки жюри видело этот спектакль. То ли совесть их заела, – но они дали дипломы Юре Демичу, Олегу Борисову и композитору Гаврилину...

⁷ Гога – Георгий Александрович Товстоногов (1915–1989), с 1956 года главный режиссёр БДТ – Ъ11р8://Ъй1.8рЪ. ги/о-театре/память/товстоногов-георгий-александрович/

1976 г.⁸

Здравствуйте, дорогие мои девушки!

Как всегда, долго не писала вам.

Но это тот случай, когда вы не должны на меня обижаться, а можете только порадоваться. Столько работы, работы, работы!!! Репетирую одновременно две роли в театре! Такого уж давно не было! Наверное, вашими молитвами. Роль докторши в «Дачниках» и роль на моей неизменно-любимой Малой сцене в пьесе нового, удивительно талантливого автора Аллы Соколовой, актрисы Ленкома, в постановке Серёжи Юрского. Пьеса замечательная, как и сам автор, с которой я ещё не знакома, – она нас боится, поэтому отказывается приходить на репетиции. Пьеса называется «Фантазии Фарятьева». Очень она вам понравится. Она, естественно, вдали от «генеральной линии», как и все её персонажи, а их всего пять. И что самое замечательное, – один мужчина, т. е. Фарятьев. И четыре! женщины. Все персонажи прекрасно чокнутые люди, «как же и не мы».

Когда мы прочли пьесу по ролям, все обратили внимание, что ни разу не упоминается слово «деньги», чего за последние 20 лет в нашей драматургии не наблюдалось.

Это уже третья пьеса, написанная автором, но ни одна ещё нигде не ставилась.

Теперь, когда мы уже репетируем её, – просит Олег Ефремов, Галя Волчек, – очухался главреж Ленкома Опорков, – как же так! – где-то идёт, а не в своём театре! – А ведь читал и ничего не понял. Она всем отвечает, – сначала будет спектакль в БДТ, а потом, – пожалуйста. Товстоногов Г. А. утверждает, что лет через пять она будет первым драматургом в стране. Чтобы вы поняли, какая это пьеса, и какой автор, расскажу вам про один звонок ей из «верхов», прочитавших пьесу.

– Поздравляем, вас! Пьеса очень понравилась. Поздравляем ещё и с тем, что её ставят в БДТ! Ну, теперь за Вами подарок съезду!

– Ой! Подарок?! Ой! А у меня и денег нет!

Вот и вся пьеса такая.

Это, в общем, володинская интонация, его направление, но уже в продолжение, и в ни на кого непохожем.

Обе роли я получила хором с Заинькой, – Эммочкой Поповой...

28.12.1976 г.

Девочки мои дорогие!

Послала вам с моим болгарским другом Борей Лукановым⁹ фотографию и несколько строчек текста, писанного прямо на вокзале.

Теперь, как говорится, подробности письмом.

Это прекрасный артист из Варненского театра и прекрасный человек, в чём вы убедитесь сами. Биография нашей дружбы такова: когда-то в годы благополучия (Надо же! Было такое!), я отдыхала на Золотых песках. Боря и его очаровательная жена Мэри окружали меня такой заботой и вниманием, на которые способны только болгары. Целый месяц прошёл, как в сказке. Или я у них дома в Варне, или они у меня на Золотых песках. «Сколько было на меня ухлопано денег», – об этом я даже не говорю. С тех пор, а тому уже восемь лет, ежегодно я получаю от них вызов на проезд в Болгарию вместе с сыном, бесконечные посылки с кофточками, колготками, конфетами, открытками, поздравлениями.

Правда, один раз мне представилась возможность хоть чем-то их отблагодарить, – они приезжали в Ленинград на неделю, – всё, что могла, я сделала. Но это всё настолько мало.

⁸ Под * – письма датированы адресатами писем – А. Слезовой и Е. Логиновой.

⁹ Боря Луканов – Борис Луканов (1936 г.), заслуженный артист Болгарии.

Сейчас он приехал в Ленинград 28 ноября, а нашёл меня только вчера на спектакле, и сегодня уезжает в Москву лечиться.

Был на лечении в разных заграницах, – ничего не помогает. В Москве обещали не вылечить, а приостановить болезнь, чтобы сохранить правую ногу, которая ещё не отнимается! Очень вас прошу, девочки, просто оказать ему внимание.

Жить он будет у своего консула. Покажите ему Москву, всё, что вы в ней любите и знаете. Если его положат в больницу, – по возможности, навещайте.

Сколько у меня друзей болгар, и всегда я перед ними в неоплатном долгу, – так как-то складываются обстоятельства. Напишите мне обязательно о нём. Мы успели поговорить вчера в антракте, и сегодня на вокзале в присутствии его товарищей не очень друг о друге распространялись, но у меня осталось какое-то гнетущее ощущение, что он прощается с жизнью. При встрече я его даже не узнала. Может быть, это мои «Фарятьевские дела», – предчувствия и усложнения, но они тоже имеют право на существование и существуют.

О себе? Всё в порядке. Ковыляю. Играю с наслаждением.

Первый раз пришла в театр, – собралась вокруг толпа измученных, серых, постаревших лиц, смотрят на меня глазами узников и жалобно, с тихой завистью, повторяют: Господи! Какое у тебя просветлённое лицо, какие светящиеся глаза, как будто пришла к нам из другого мира!

А я, действительно, пришла из другого мира.

Когда наконец-то сняли гипс, выяснилось, что ходить я совсем не могу. Серёжа Юрский отвёз меня в свою святая святых... – институт травматологии и ортопедии, где оперировали и вколачивали железные штыри в его плечо, месяцами разрабатывали. Я теперь знаю значение этого слова «разрабатывать». Прилагаю вам 34 пункта моего разрабатывания, – и это ежедневно. Ну и этого мало, – хожу, как на работу, с одиннадцати утра до четырёх дня, – озокерит, электростимуляция, гимнастика.

Оказалось, сначала, что у меня только атрофия мышц больной ноги. От моей драгоценной (а она, действительно, оказалась для меня драгоценной – погорели три фильма, концертная поездка в Кишинев, премьера в Ленинграде фильма «Чужие письма», где нужно было просто в каждом кинотеатре перед сеансом выйти в длинном платье на сцену и сказать: Здравствуйте! – и сразу же по почте – 20 рублей) – остались косточки и вокруг них, как выражались мои врачи, кисель. Это было жуткое зрелище, – одна нога, как нога, а вторая в два раза толще.

Господи, даже страшно вспоминать.

Потом показывали меня невропатологу, который установил, что это наслоение последствий после сотрясения мозга, когда у меня отнялись обе ноги.

Ну, дела!!! Наблюдать ежедневно свою ногу, тонкую, как спичка, а внизу – валенок, обтянутый буро-лиловой кожей, этот процесс не повышает настроение.

А теперь, когда всё позади, – поймите причину моего счастья и просветления. Сначала я подвязывала к ступне подошву. Потом! О Боже, какое счастье – напялила на неё спортивные тапочки без шнурков, шнурки не завязывались.

А потом!!! Оля¹⁰ принесла мне туфлю сорокового размера, и я в неё влезла.

Нет, всё-таки никому, кроме меня, не ведомы такие вариации счастья. Дальше счастье поднималось всё выше и выше – надела свои зимние сапоги, долго не застёгивалась молния на левой ноге (мозоль от срастания косточек), потом застегнулась! Ура! Ура! Ура!

А вчера – мерила туфли из «Кошек-мышек». Налезли!

Вот в чём счастье!

¹⁰ Оля Волнухина – одна из девочек, которая жила в это время у Зэмэ. В те годы с Зэмэ, в её квартире, жили девочки-студентки (Оля Волнухина и Лена Мальчевская), они приехали из разных городов, учились в Ленинграде, любили театр, любили Зэмэ, помогали ей по хозяйству, заботились о ней и, конечно, ходили в театр.

А они там что-то выясняют, а выясняют опять же то же самое: кто говно артист, а кто не говно.

И вот так ночами я думаю – а, может быть, в этом моё счастье, что Бог мне успокоиться не даёт: то одна встряска, то другая. И снова, как в первый раз, выходишь на сцену, но уже о большем я знаю и о большем могу рассказать.

Ну, вот, по-моему, полный отчёт своей жизни я вам написала.

Целую вас, милые мои, не сердитесь на хромую старуху. Я ведь всё-таки пришла из другого мира.

Ваша З. М.

1976 г.*

На обратной стороне подаренной фотографии, где сняты актёры, занятые в спектакле

Дорогим моим маргышкам от всех фантазий и всех Фарятьевых!

Спасибо за Окуджаву!

Ленинградцы носятся за ним по магазинам, выполняя поручения москвичей. А у нас с вами наоборот.

Я уже играю вовсю. Хромаю, но играю. Сейчас идёт Фарятьев на выезде (в смысле сию минуту). Успех оглушительный. Кланяемся в конце по 15 раз.

Целую вас, мои милые.

Ваша З.М.

Милая Зэмэ!

Прежде всего, спасибо за «Фантазии...»!

Поручение ваше мы выполнили – с другом Вашим встретились. Он оказался очень галантным и очень «продвинутым в русском языке» человеком. Представьте себе картинку.

Два часа дня, Москва, у подъезда гостиницы «Националь».

– *Здравствуйте, я Борис. Зину я знаю давно, очень давно, с 1961 года. Всегда, когда бывал в Ленинграде, старался увидеть её.* – Пауза. – *Зину я знаю давно.*

– *Очень приятно, Аня, Зэмэ мы тоже знаем давно. Всегда бываем у неё в Ленинграде.* – Пауза. – *В общем, Зэмэ мы знаем давно.* – Вот так, вместо вручения верительных грамот мы отчитывались друг перед другом, кто больше-дольше знает Вас. Потом искали по всей Москве торт для сына друга, мимоходом заглянули на репетицию наших «Размышлений.»

<...>

Милая Зэмэ!

Мы не знаем, чего в этом больше – утешения или тоски, мы ещё не знаем, чего больше даёт театр – слёз или славы, но сейчас мы начали работать над своим первым спектаклем «Размышления на 14 декабря 1825 года». Не имея за плечами никакого театрального опыта, мы сами написали сценарий, а теперь взялись за его воплощение. Если спектакль получится, то это будет – чудо, потому что весь он – какая-то грандиозная авантюра.

Один из наших героев писал: «Мы любили»!

И это не только о них, но и о Вас! Любовь и вера..

«Каков бы ни был мой образ мыслей политических и религиозных, я храню его про себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости»¹¹.

Мы хотим поставить спектакль о любви к Родине и высоком безумии бунта.

¹¹ Из письма А. С. Пушкина В. А. Жуковскому, март 1826 года.

Зэмэшка, родная!

Мы победили. Премьера состоялась 19 декабря 1976 года.

Сценарий написали мы с Наташей, а блистательно поставила его Лена. Этот спектакль – попытка создания филологического театра (непохожего ни на какие другие). Задача эта определила структуру и содержание спектакля. Мы хотели воскресить Слово в его первоизданном звучании, так, как оно произносилось в первой четверти XIX века. А ещё нам хотелось воскресить духовную ситуацию дней Александровых, столкнуть на равных различные точки зрения: Императора, декабристов, обывателей, Пушкина, Карамзина, Грибоедова. Нас интересовало бытование Слов-Мыслей, их притяжение и отталкивание. Поэтому мы ничего не писали сами, каждое слово – это документ эпохи (мемуары, указы, манифесты, протоколы допросов, эпистолярные и художественные тексты). А в самих декабристах нас больше всего привлекала та духовная высота, на которую они смогли подняться. Сценическая задача – создать в зале приподнятое удивление, оторвать зрителей от спинок кресел, заставить их вертеть головами в прямом смысле слова. ...

И вот 19 декабря состоялась премьера. Дата первого представления явилась самым странным сближением¹² из наших странных сближений, и посему премьера сопровождалась всеми необходимыми для успеха событиями: запрещают (за два дня до спектакля), разрешают (утром), запрещают (днём), разрешают (вечером), запрещают в час назначенного представления, разрешают через полчаса. А после спектакля – трёхчасовое обсуждение, принёсшее, пожалуй, нам больше триумфа, чем сам спектакль.

Сейчас мы ещё не можем отдышаться то ли от похвал, то ли от неожиданности похвал. Честно говоря, не ждали. Ведь помимо декабристов, духовной ситуации и всяческих других умностей нам просто хотелось проверить себя – сможем или нет мы что-то сделать сами, делатели мы или болтуны.

Вот видите, какое длинное письмо у нас получилось и всё про себя. А как Ваши-то дела? До нас доходят слухи (кроме слухов, через шестьсот вёрст ничего не долетает), что Вы болеете и ходите с «посохом». Зэмэ, берегите себя.

Москва запорошена снегом, блистает огнями и по-предновогоднему таинственна, а мы скучаем по Вам. Напишите нам хоть несколько слов, а лучше – приезжайте. Как было бы славно увидеть Вас в Москве. ...

<...>

А теперь о Борисе Луканове. Уже по первому письму Вы смогли догадаться, что Борис не оставил у нас никакого гнетущего чувства. В Москве он был окружён делами и друзьями. Виделись мы с ним один раз и несколько раз говорили по телефону. Он не казался нам больным, напротив, выглядел здоровым и красивым с обворожительной бородой, только глаза, может быть, сосредоточены больше обычного. Мы долго гуляли по Москве, всё пешком, он, наверное, устал, и сейчас мне немного за это неловко. Он много говорил, рассказывал о Ленинграде, о своей любви к нему, о спектаклях, которые там посмотрел, о том, как долго искал Вас, и потом – о Москве: о театральных вечерах, о своих новых знакомых, о встрече с Михаилом Ульяновым, о планах на будущее. Летом они с женой собираются в Испанию-Францию, тур по Европе после летних каникул жены, сейчас она работает где-то то ли в Африке, то ли в Латинской Америке. О своей болезни он, естественно, молчал. Сказал только раз, что остался в Москве, чтобы проконсультироваться с врачами.

Зэмэ, не грустите!

¹² Странное сближение – эпитафией к нашему спектаклю мы взяли строчку «Бывают странные сближенья» (А. С. Пушкин), 19 декабря 1976 года – день премьеры нашего спектакля совпал с днём рождения и семидесятилетием Леонида Брежнева, в то время Председателя Президиума Верховного Совета СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС. Наверное, партийные начальники боялись студенческих «бунтов».

Ваш список упражнений восхитителен. Если бы у вас в театре ещё кто-нибудь, а не только Вы с Юрским подзаялся таким же тренажём, у Вас могла бы получиться неплохая цирковая труппа.

Милая Зэмэ, как хочется Вас видеть – в Вашем городе, в Вашем театре, в Вашем доме!

Если получится, то в конце января в начале февраля мы приедем на несколько дней в Ленинград. Надеемся увидеть Вас уже совсем здоровой.

Поздравляем Вас с Рождеством и с наступающим Старым Новым годом.

Продолжение на открытке.

Прошлый год начинали мы молитвами к Предвечному о продолжении прежнего нашего счастья. Нынешний начинаем надеждами и молитвами о новом, надеждами, которые уже в первых лучах своих обещают нам полдень тихий, живительный, благотворный.

Пусть нынешний год будет столь же блистателен, славен и творчески активен, как прошлый¹³.

25 января 1977 г.

Здравствуйте, и приехали!

Я уже смеюсь и даже улыбаюсь!

Посмейтесь же и вы со мной.

Ха-ха-ха!

Я опять в гипсе.

На этот раз перелом малой берцовой кости.

Это называется, – какая следующая? Скоро я смогу сдавать экзамены в медицинский институт. Только собиралась вам писать ответ на ваше предложение выступить в вашем клубе, даже числа были подходящие, – дней на пять – и вот, s'il vous plait! Всё было бы хорошо, но по телевизору бесконечно показывают такое убожество.

За все месяцы гипсовой жизни столько я прочла литературы, такая стала умная, что самой тошно.

Успокаивает меня приказ, вывешенный в театре, – «В связи с бедственным положением в театре, запрещаю актёрам отлучаться из города».

Лебедев болен, Лавров болен.

Что же они, бедные, там играют?

Известно ли вам, что в июне месяце мы будем на гастролях в Москве? Если я не сломаю себе башку, то везут все мои спектакли, – «Три мешка сорной пшеницы», – правда, – без моего плача, о чем я и сейчас, играя, очень страдаю, – будто душу из меня вынули.

Так я прежде готовилась к этому спектаклю, была даже предметом остроумия, – «она выходит на сцену ареста Адриана за две сцены до неё». И была предметом ЧП в театре, – когда в своей уборной «распевалась» -

– Ох-ти мне, да мне тошнѣшенько...

Невозмогу пришло горюшко.

А я только проверяла низы голоса и верхи, без текста.

Кое-какие идиоты думали, что у меня истерика, и даже однажды вызвали директора. Ладно, переживём и это.

Везут «Дачников». Как давно я их не играла. Бог даст, срастётся.

¹³ Поздравление написано в стиле писем XIX века, под обаянием которого мы жили в эту зиму.

Все спектакли, кроме «Дачников», я уже играла. Это единственный спектакль, где нельзя хромать.

Кстати, о «Дачниках» – подарили мне настоящий цветок эдельвейс, сначала я была в такой растерянности, – «гордый, горный цветок Эдельвейс», – «одинокий, цветок Эдельвейс». Я про другой цветок говорила, – я видела перед собой какой-то фантастический цветок, – растение смесь тюльпана и орхидеи, и вдруг, – вот такой эдельвейс. А оказывается, это прекрасно! Эдельвейс одинок, – потому что он единственный цветёт в горах, в снегах. И какой бы он невзрачный ни был, он одинокий и горный.

Понимаете, как теперь я буду читать эти стихи!

В этом же вся Калерия.

Наконец везут «Кошки-мышки» и «Фантазии Фарятьева».

Большие спектакли будем играть в театре Моссовета, а маленькие, очень маленькие, в театре Станиславского.

Пишите мне, пожалуйста, очень болит нога.

Ваша Зэмэ.

февраль 1977 г.

Ленок!

У меня такая неожиданная сегодня весна в доме!

Увозят меня на съёмки в 7 утра, привозят поздно, ночью, нога болит, только бы погрузить её, собаку, в ванну, сделать массаж и скорее заснуть.

И вдруг вижу – из твоих подаренных почек распустились такие зелёные-зелёные берёзовые листочки.

Вот ты и опять сделала мне подарок.

Много-много надо написать вам. Так устаю! Это хорошая усталость! Много хороших новостей.

*весна 1977 г.**

Ещё раз здравствуйте!

Поздравляю себя и вас, – начинаю репетировать «Последний срок» Распутина и сниматься у Ролана Быкова в фильме «Нос». Прекрасный сценарий и, в общем, моя маленькая роль. Но Ролан так замечательно её придумал, что мне даже в голову не пришло, чтобы от неё отказываться. Тем не менее, за мной гонялись второй режиссёр и директор. Поймать меня действительно трудно. То я летала в Челябинск, то в Ялту, то у меня каждый день репетиции и спектакли.

Про Челябинск я напишу вам следующий раз, – тоже масса впечатлений.

Наконец, эти двое, второй режиссёр и директор, стали ловить меня дома, – день сидят на лестнице, – звонят в дверь, – естественно никого, второй день, – то же самое, на третий день, – позвонили они моим соседям, – объясняют: Она уходит рано утром и приходит поздно ночью.

– Хорошо, – сказали эти люди, – Мы напишем ей письмо. – Написали большое письмо и просунули его в щель двери. И кто-то это письмо быстро схватил.

Стоят обалдевшие люди, обращаются к моим соседям: «Так что, она, значит дома?»

На что мои соседи: даже если бы она была дома, она у нас не такая идиотка, чтобы хватать ваше письмо из рук в руки!

– Да! – догадываются эти двое, – у неё есть сын Ванечка, он пришёл, наверное, с девочкой и не открывает.

Мои соседи: «Ванечка, прежде всего, женат, и когда они приходят с Наденькой в дом мамы, они всегда открывают».

Так в полной фантазмагории все и расстались.

Прихожу я домой после спектакля поздно ночью.

Так! Интересное кино!

На моей кровати лежит письмо от группы Ролана Быкова.

Кто входил в мой дом? Кто?

А оказалось всё очень просто. Мой котёнок Кузя! Он так истомился от одиночества, что каждый признак откуда-то из-за двери воспринимал как что-то необходимое.

И ещё у Кузьки есть такое свойство – ожидание своей хозяйки. Я прихожу ночью домой, – на кровати у меня лежат мочалки, тряпки, поясочки, бинты, которыми я сохраняю свои ноги.

И, представляете, с двух сторон фантасмагория, какая-то мистика. А в сущности, одинокий котёнок.

И как мне дружочка моего оставлять на пять месяцев, мы же уезжаем на гастроли и в отпуск, а потом ещё на гастроли.

Он же отвыкнет от меня!

Вы даже не можете представить, как это маленькое трёхцветное существо встречает меня ночью после спектакля, – я же не звоню, а просто ключом открываю дверь, – мурлыкает, ласкается. Моюсь в ванной, – сидит рядом, переживает, потом быстро ложится в ноги и засыпает.

Хорошая у меня Кика-Мика! При встрече расскажу про неё много.

* * *

Вы будете смеяться, а я в Ялте! Сажу в роскошном номере роскошного отеля, в двух шагах от роскошного стола, за которым я пишу эти строки, – роскошная ванна в чёрном кафеле с крапинкой.

Одиннадцатый этаж, – налево море, направо горы, над головой яркие южные звёзды. В двух шагах от того же стола, но в противоположном направлении, – вершина кипариса, даже не качающегося, прямо как в оперном театре.

А если серьёзно, то всё это поразительно и сказочно! Прилетела я утром из холодного, дождливого Ленинграда в 10 утра в Симферополь. Никто меня не встретил, правда, по радио объявили, что за пассажиркой Шарко, прилетевшей из Ленинграда, машина придёт в 13 часов.

Я вышла из аэропорта. И душа моя заликовала, запела славу и восторг, – Земле, Жизни, Весне. Господи! Да что же это такое?! Всё цветёт!!! Одно дерево белое, другое розовое, это сиреневое, то пунцовое, а это совсем лилово-жёлтое. А те, что без цветов, – какая новорождённая, радостная зелень! И у каждого создания своя! Даже при самом мастерском смешении известных человеку красок нарисовать это невозможно. Это нужно только видеть, хватать, пить глазами, дышать глазами, – хотела сказать плакать, – нет, запоминать.

Потом я села в троллейбус, поехала, куда глаза глядят, – а вернее, куда повезёт меня троллейбус.

Вдруг вижу – кладбище, и очень много народу.

Вышла. Оказывается, сегодня День поминовения. Прекрасный обычай, – всечеловеческий, – у русских он называется Родительский день.

Я видела этот день на польских кладбищах, на немецких и вот увидела на русских.

Ах, и русская душа!

У немцев, – серьёз, строгость, святость, свечи, цветы. У поляков – много цветов, много слёз, много свечей, у русских – много водки, много закуски, селёдки, грибов, пирогов, никаких слёз, немного цветов, только те, которые уже расцвели рядом, – сирень, яблони – много песен и много веселья, играют гармошки, балалайки.

И это прекрасно!

Это утверждение жизни! Мы помним вас, вас нет с нами, мы пришли в этот день к вам и ах! как жалко, что вы не с нами!

Вернулась в аэропорт. Машина за мной пришла не в 13, а в 16. Бедная, перепуганная девочка, – помреж – подходит ко мне с каким-то отсутствующим лицом, ничего не в состоянии выговорить, потом я уже поняла почему. Я её целую, говорю спасибо, наконец-то приехали. Она молчит. Едем в Ялту. По дороге она вдруг робко мне говорит:

– Я думала, что Вы в гневе, что заставили Вас ждать с утра.

– Девочка моя, – говорю я, – неужели ты не понимаешь, какое это счастье, что мне жизнь бесплатно преподнесла такой подарок. Ведь я могла бы сидеть эти 6 часов на Новороссийской улице и ничего кроме передачи «Служу Советскому Союзу», которая после возвращения Ванечки из армии стала для меня просто познавательной передачей – не увидеть и не узнать.

Вот почему, я молодец, что согласилась сниматься в этом плохом кино.

Как всегда, дописываю на следующий день, – всю ночь спала с перерывами, потому что очень хотелось посмотреть, – какое море и какие горы, и какие звёзды в эту минуту. И они такие разные. Я всё сплю и всё просыпаюсь, а рассвета, который нельзя пропустить, всё нет. Ещё раз и ещё раз, – всё по-разному и всё темно.

И наконец!!!

Это было настолько невероятно, что даже на что-то похоже! Есть такие американские каталоги, где в шикарных, американских домах на одной стене вешают громадную картину, изображающую какой-то пейзаж, в кресле сидит человек и смотрит на этот мёртвый пейзаж. А у меня окно во всю стену, – и за окном живые, в живой дымке горы, живое голубое, плещущееся, дышащее море, живые цветущие весенние деревья, невыносимо на разные голоса, но как один симфонический оркестр, – перезвоны, переливы, пере-аукования, нежные-нежные призывы, и ещё более нежные отклики тысяч невидимых птиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.